

## Алломорфическое варьирование каузативных показателей в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка

Д. А. Пилюгина

Московский государственный университет им. Ломоносова,  
г. Москва, Российская Федерация,  
deanna.pilyugina@yandex.ru

### АННОТАЦИЯ

**Введение.** В данной статье рассматриваются каузативные показатели современного мансийского языка на примере верхнелозьвинского диалекта. Вводится предположение, что данные показатели являются алломорфами одного и того же аффикса, и строится гипотеза о их распределении. Вкратце рассматривается тенденция к замене синтетического каузатива аналитическим на современном этапе развития мансийского языка.

**Цель:** выявить закономерности распределения алломорфов каузатива, сочетающихся с разными типами основ.

**Материалы исследования:** анкеты, полученные от носителей верхнелозьвинского диалекта; параллельный мансийско-русский корпус текстов, собранный С. В. Покровской, В. С. Харитоновым и Д. О. Жорник в ходе экспедиций 2017–2019 гг.

**Результаты и научная новизна.** Научная новизна исследования состоит в новом подходе к мансийским каузативным показателям: если прежде они рассматривались как набор отдельных сущностей, то здесь предлагается рассмотреть их как алломорфы. В целом новым для исследований мансийского языка является рассмотрение материала с точки зрения морфонологии.

В мансийском языке существует четыре каузативных показателя: -Vlt-, -Vpt-, -tt-, -t-. Из них основным является -Vlt-, а остальные реализуются при определённом фонологическом окружении: -Vpt- появляется при наличии плавного звука в основе, -tt- и -t- являются результатами усечения труднопроизносимого кластера. Высказывается предположение, что в мансийском языке существует два омонимичных частотных глагольных суффикса -t-, один из которых является упомянутым вариантом каузативного суффикса, а другой служит для образования переходных отыменных глаголов. Также в ходе исследования получены результаты, позволяющие предположить постепенное исчезновение суффиксального каузатива в современном мансийском языке.

**Ключевые слова:** мансийский язык, северные диалекты мансийского языка, верхнелозьвинский диалект, каузатив, морфологический каузатив, алломорфия.

**Благодарности:** Исследование поддержано грантом РНФ №19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири». Автор выражает благодарность своему научному руководителю, действительному члену Российской академии наук, доктору филологических наук В. А. Плунгяну, младшему научному сотруднику НИУ «Высшая школа экономики» Д. О. Жорник и сооснователю научно-популярного проекта «Страна языков» В. С. Харитонову.

**Для цитирования:** Пилюгина Д. А. Алломорфическое варьирование каузативных показателей в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 300–308.

## Allomorphic variation of causative markers in the Upper Lozva dialect of the Mansi language

D. A. Pilyugina

Moscow State University,  
Moscow, Russian Federation,  
deanna.pilyugina@yandex.ru

### ABSTRACT

**Introduction:** the article considers the causative markers in the Upper Lozva dialect of the modern Mansi language. These markers are assumed to be allomorphs of one affix, so the article aims to construct a hypothesis about their distribution. Also we briefly analyse the modern Mansi tendency to change the old synthetic causative with new analytic one.

**Objective:** to identify the distributional patterns, in which causative allomorphs can be combined with different types of roots.

**Research materials:** questionnaire survey, made with Upper Lozva dialect speakers; the parallel Mansi-Russian text corpus, collected by S. V. Pokrovskaya, V. S. Kharitonov and D. O. Zhornik during the 2017–2019 expeditions.

**Results and novelty of the research:** the scientific novelty of the research is a new way to approach the Mansi causative markers: traditionally they were regarded as a set of different suffixes, now we suppose that it is appropriate to see them as allomorphs of one suffix. Another new point is to apply the morphonological method to the Mansi material, which has never been done before.

There are four causative markers in Mansi: -Vlt-, -Vpt-, -tt-, -t-. -Vlt- is the basic one, while the others appear in certain phonological conditions: -Vpt- is for stems with a liquid in it; in -tt- and -t- results a simplified cluster. We suppose that there exists two homonymous suffixes -t-, one of them is a causative allomorph and the other derives transitive verbs from nouns. Also the research reveals that suffixal causative tends to die out in modern Mansi, being replaced by analytic one.

**Key words:** Mansi language, Northern dialects of the Mansi language, Upper Lozva dialect, causative, morphological causative, allomorphy.

**Acknowledgements:** the article is supported by a Russian Science Foundation grant №19-78-10139 “Argumental structure, voice and valency operations in Western Siberian languages”. The author expresses gratitude to the academic supervisor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philological Sciences Vladimir Plungyan, as well as to the Junior Researcher of “Higher School of Economics” Darya Zhornik and to cofounder of the popular science project “Страна языков” (“The Land of Languages”) Vasilii Kharitonov.

**For citation:** Pilyugina D. A. Allomorphic variation of causative markers in the Upper Lozva dialect of the Mansi language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (2): 300–308.

## Введение

Каузативные показатели мансийского языка, как правило, оказывались за пределами внимания исследователей в области финноугристики. На сегодняшний день максимально подробными описаниями мансийской каузативной суффиксации являются лишь работы Е. И. Ромбандеевой [11; 12]; однако в них автор не ставила цель проследить распределение интересных нам каузативных показателей. Современные исследователи, такие как И. М. Молданова [7], О. А. Осипова и Н. Н. Шаламова [8], нередко касались тематики морфологического каузатива в различных диалектах хантыйского языка, однако мансийские каузативные суффиксы, к сожалению, в последние годы оставались вне научного внимания.

В данном исследовании на материале верхнелозьвинского диалекта анализируется предположение о том, что каузативный суффикс в мансийском языке представлен в нескольких алломорфах, выбор из которых зависит от фонологического контекста. Связь морфологического строения и фонологии мансийского языка, в свою очередь, является большим и малоизученным полем работы, представляющим интерес для финно-угорской морфологии. Данная статья актуальна в свете финноугристики, так как на примере каузативной алломорфии могут быть изучены более общие закономерности мансийской морфонологии.

В этой статье, как и в используемом нами корпусе, применяется система записи с помощью латинской фонологической транскрипции. Символом *ɕ* обозначается палатальный глухой шипящий, *x* – заднеязычный глухой фриктивный. В рассматриваемом нами верхнелозьвин-

ском диалекте фонема /ɕ/ реализуется не как заднеязычный звонкий фриктивный, а как [j]. /kw/ является одной фонемой, которая в современном языке часто реализуется как [k]. Суффикс инфинитива мы вопреки кириллической орфографии, в которой он заканчивается на гласный -е, отмечаем, согласно его современному произношению в верхнелозьвинском диалекте с отпавшим гласным, как Vɲkw.

## Материалы и методы

Проблема рассматривалась на материале параллельного мансийско-русского корпуса текстов, полученного в ходе экспедиций В. С. Харитоновой, С. В. Покровской и Д. О. Жорник в Ивдельский район Свердловской области в 2017–2019 гг. [10] Также использовались данные анкетирования носителей верхнелозьвинского диалекта. Среди использованных нами словарей следует выделить следующие: мансийско-русский словарь А. Н. Баландина с лексическими параллелями из кондинского диалекта [1] и словарь верхнелозьвинского диалекта Т. П. Бахтияровой [2].

Основными методами исследования являются лингвистический эксперимент и корпусный анализ.

## Результаты

Ключевым объектом исследования является каузативный суффикс, имеющий алломорфы -Vlt-, -Vpt-, -tt-, -t-, которые традиционно выделялись как различные суффиксы. Кроме того, существует глагольный показатель переходности -t-, имеющий в том числе значения, близкие к каузативным.

Каузативность в данной статье мы понимаем как эксплицитное выражение причинно-следственной связи между действием одного объекта и состоянием другого [3, 15]. Говоря о каузативе, будем определять этот термин как глагол, обозначающий ситуацию каузации и имеющий таким образом значение «привести к тому, что случилось X» [15, 886]. Здесь и далее для удобства при употреблении термина «каузатив» будем говорить о каузативизации сугубо морфологической (а не лексической и не синтаксической, каковые в том или ином виде есть во всех языках мира), в нашем случае – суффиксальной.

Рассматриваемый нами суффикс обладает широкой алломорфией. Гласный в его составе варьируется в зависимости от фонотактики слова. Фонологически этот гласный – /ə/, однако мансийский /ə/, находясь в сильной фонотактической позиции, проявляется и становится гласным полного образования [a]. Сильная фонотактическая позиция в мансийском языке – позиция нечётного слога, начиная с первого. В слабой фонетической позиции /ə/ перед губным приобретает огублённость и аудиально воспринимается как гласный [u] полного образования.

- (1) *am*                      *tūji*                      *фотография*                      *suss-əlt-as-l-um*  
1SG                      летом                      фотография                      смотреть-CAUS-PST-SG.O-1SG.S  
‘Я летом фотографию показывал’ [10].
- (2) *kāsəŋ*                      *xōtal*                      *kuriy-apt-i-l-uw*  
каждый                      день                      греметь-CAUS-NPST-SG.O-1PL.S  
‘Каждый день его заводим’ [10].
- (3) *ēr-upt-i-l-uw*                      *tō*                      *pora-t*  
быть\_нужным-CAUS-NPST-SG.O-1PL.S                      некоторый                      время-LOC  
‘Мы его любим иногда’ [10].

Правило проявления и ассимиляции /ə/ применимо не только к каузативной, но и ко всякой мансийской суффиксации и, по всей видимости,

является одним из базовых в устройстве мансийской морфонологии. Тем не менее, существуют немногочисленные отступающие от него случаи:

- (4) *tē-n-ut-e*                      *taw*                      *pary-alt-i-t-e*  
есть-NMZ-вещь-POSS.3SG                      3SG                      сыпать-CAUS-NPST-SG.O-3SG.S  
‘Еду она посыпает’ [10].

Распределение согласных в алломорфах каузативного суффикса представляется более интересным, так как пока нам не удалось найти в мансийском языке других случаев применения такого правила. Базовым показателем каузатива является -Vlt-. Если в основе, к которой прикре-

пляется суффикс каузатива, есть плавный, то в каузативе плавного быть не может; в этом случае выбирается суффикс -Vpt-.

Здесь и далее примеры без указания источника получены из анкетирования носителей:

- (5) *āc*                      *lāw-əs*                      *n'āwram-an-e-n*  
отец                      говорить-PST-[3SG.S]                      ребёнок-PL-POSS.3SG-LAT  
*ariyt-apt-aŋkw*                      *taw-e*                      *takkēt*  
оставить-CAUS-INF                      3SG-OBL                      3SG.SOL  
‘Отец сказал детям оставить его одного’.
- (6) *taw*                      *anum*                      *saka*                      *takie*                      *xot=kant-m-alt-as-t-e*  
3SG                      1SG.OBL                      очень                      сильно                      от=злость-VBZ-CAUS-PST-SG.O-3SG.S  
‘Он очень разозлил меня’.
- (7) *rōwi*                      *ārae-t*                      *xot=is-əlt-aŋkw*  
можно                      костер-LOC                      от=греться-CAUS-INF  
‘Можно на костре подогреть’. [10]

Интересно сравнить распределение суффиксов -Vlt-/-Vpt- с хантыйскими каузативными суффиксами. Согласно [7, 84], в казымском диалекте хантыйского языка есть восемь суффиксов с каузативным значением, причём одни из них содержат формант -лт-, другие -pt-; из них показатель -элт(э)- является наиболее продуктивным. Можно предположить, что в хантыйском языке лт-показатель, как и -lt- в мансийском, является базовым, а -pt- возникает при определённых морфонологических условиях.

Анализ корпусных данных даёт достаточно чёткое распределение алломорфии -элт-/-эпт-. Из надёжно зафиксированных исключений можно назвать лишь *hujuptaŋkw* 'спать', где наличие /p/

в суффиксе на первый взгляд ничем не оправдано. Тем не менее, в анкетировании носителей наблюдались расхождения по поводу грамматичности / неграмматичности отдельных примеров; особенно это касалось малоупотребительных глаголов. Наконец, некоторые носители признавали возможными оба варианта, как это случилось, например, с глаголом *jomasaptasum* / *jomasaltasum* 'я помирил'; интересно, что одним из носителей этот же глагол был назван несуществующим.

Отдельный случай в мансийской каузативизации представляют основы с исходом на /a/+плавный. К ним присоединяется алломорф каузативного суффикса -tt-.

- |                                                |              |                          |                  |
|------------------------------------------------|--------------|--------------------------|------------------|
| (8) <i>kwāl-tt-uwe-s-um</i>                    | <i>ruε</i>   | <i>piyna</i>             |                  |
| встать-CAUS-PASS-PST-1SG.S                     | русский      | сын-LAT                  |                  |
| 'Я был разбужен русским парнем' [10].          |              |                          |                  |
| (9) <i>at-ax-kem</i>                           | <i>tariy</i> | <i>tāl-tt-əs-uw</i>      | <i>māssina-n</i> |
| пять-APPR-APPR                                 | сосна        | грузиться-CAUS-PST-1PL.S | машина-LAT       |
| 'Примерно пять сосен загрузили в машину' [10]. |              |                          |                  |

Также в мансийско-русских словарях [12, 158; 1, 82; 2, 82] мы находим пример присоединения каузативного суффикса к основе на -ar:

- (10) *powar-tt-aŋkw*  
кататься-CAUS-INF  
'катить'

Мы предполагаем, что имеет место связанная с устранением гаплогонии ассимиляция \**kwālaltan̄kw* → *kwālttan̄kw*. Наконец, значительный интерес представляет алломорф -t-, появление которого также связано с фонологическими условиями: он возникает после исхода основы на -t:

- |                                         |                               |                       |             |                       |
|-----------------------------------------|-------------------------------|-----------------------|-------------|-----------------------|
| (11) <i>āpeikew</i>                     | <i>kos-n</i>                  | <i>pat-t-ən</i>       | <i>ōjka</i> | <i>pūxt-i</i>         |
| медведь                                 | коготь-LAT                    | падать-CAUS-PTCP.NPST | мужчина     | вцепиться-NPST[3SG.S] |
| 'Медведь когтями мужчину схватил' [10]. |                               |                       |             |                       |
| (12) <i>pasan-n</i>                     | <i>ūnt-t-i-janəl</i>          |                       |             |                       |
| стол-LAT                                | сесть-CAUS-NPST-SG/PL.O.3PL.S |                       |             |                       |
| 'За стол их сажают' [10].               |                               |                       |             |                       |

То есть, как и в случае с -tt-, вероятно упрощение кластера: \**ūntāltan̄kw* → *ūnttan̄kw*. Тем не менее, не во всех глаголах с исходом основы на -t наблюдается это явление: ср. частотный глагол *roxtuptaŋkw* 'пугаться'.

Алломорф каузативного суффикса -t- интересен тем, что он омонимичен другому глагольному суффиксу -t-, образующему некоторые переходные глаголы: напр., *masuŋkw* 'одевать (на себя), обувать себя', *mastuŋkw* 'одеть, обуть' [1, 53]. В некоторых случаях суффикс -t- придаёт каузативное значение: *ajūŋkw* 'пить', *ajtuŋkw* 'напоить' [1, 11, 20]. [12, 157] связывает каузативный показатель -tt- с этим суффиксом.

Теперь обоснуем предположение, что -t- как суффикс отыменного переходного глагола и -t- как фонологический алломорф каузативного суффикса являются разными сущностями. Наряду с суффиксами -m- и -l-, суффикс -t- используется для образования отыменных глаголов. Эти суффиксы встречаются в подавляющем большинстве глагольных основ; значение их, как правило, расплывчато. Существует список глагольных корней, которые не могут употребляться без этих глагольных суффиксов, как, например, следующий пример из [1, 152]:

- (13) *jarmuŋkw* 'застрять, задержаться'  
*jartuŋkw* 'преградить, задержать'

Суффикс *-t-* в этом ряду имеет значение агентивности. Заметим, что для финно-угорских языков нередко кодирование агенса (в том числе каузатора) через элементы, содержащие *t*: примером являются финские *t*-каузативы (*sammua* ‘погаснуть’, *sammuttaa* ‘погасить’), хантыйский

(суффиксы *-əlt-*, *-əpt-*, *-t-*, *-at-* и их алломорфы [7, 84]), и рассматриваемый нами мансийский. Этот суффикс может крепиться к неаккузативным (таким, что их единственный актант – пациенс) глагольным основам, вызывая эффект каузативности:

- (14) *sāli*                      *tōwəl'*                      *xot=kāmn'am-t-ēy-t*  
олень                      шкура                      от=размягчиться-CAUS-NPST-3PL.S  
‘Оленью шкуру выделывают’.

Теперь рассмотрим три пары глаголов, в которых второй образован от первого при помощи суффикса *-t-*.

- (15) *xolun̄kw*, *xōlun̄kw* ‘погибнуть’ – *xoltun̄kw*, *xōltun̄kw* ‘погубить’ [1, 137]  
(16) *pōl'un̄kw* ‘озябнуть, замёрзнуть’ – *pōl'tun̄kw* ‘студить, морозить’ [1, 83]  
(17) *xōtəlan̄kw* ‘рассветать’ – *xōtəltan̄kw* ‘ждать рассвета’ [1, 141; 11, 153]

В каждой паре первый случай – неаккузатив; с помощью суффикса *-t-* от него можно образовать глагол, в аргументной структуре которого будет присутствовать агенс. Случаи (15) и (16) дают нам переходный глагол: можно сказать, имеет место каузативизация. Случай (17) очень любопытен: пациенс заменяется на агенс, непереходный неаккузативный глагол становится непереходным неэргативным; это явление подтверждает, что функция каузативизации для суффикса *-t-* вторична.

Вернёмся к примерам из предыдущего раздела. Очевидно, что глагол *ūtun̄kw* ‘садиться’ – агентивный, а не пациентивный; глагол *ratun̄kw*, как мы подробнее обратим внимание ниже, имеет, помимо «падать», широкий спектр значений, связанный с инхоативностью, и в рассматриваемом нами контексте также имеет не прямое значение: то есть, мы также не можем его рассматривать как неаккузатив.

Можно предположить, что мы имеем дело с двумя разными сущностями: суффиксом *-t-*, способным делать агентивные (не обязательно каузативные) глаголы из неаккузативов, и одним из алломорфов суффикса *-(ə)lt*, претерпевший фонетические изменения по модели, подобной той, что более надёжно зафиксирована на примере *-tt-*.

Далее рассмотрим место каузатива в системе актанта деривации мансийского языка. В терминах Ленинградской типологической школы ([6, 28] и др.) различаются дистантная каузация,

при которой связь между каузатором и каузируемым объектом опосредована (идти – заставить идти), и контактная, при которой она более тесна (катиться – толкнуть так, чтобы объект покати́лся). В отдельных современных исследованиях, в частности, у М. Сибатани [17], выдвигается предложение о рассмотрении противопоставления дистантной и контактной каузативизации не как дихотомии, а как континуальной шкалы; случаи, находящиеся ближе к середине шкалы, редки и в данный момент выходят за границы нашего рассмотрения.

Известно, что, если в языке есть дистантная каузативизация с помощью морфологических средств, то есть и таковая контактная, но неверно обратное; иными словами, наличие дистантной каузации показывает бóльшую грамматикализованность каузатива как явления, а также, как правило, бóльшую продуктивность. Принято считать, что финно-угорский каузативный суффикс хорошо грамматикализован и продуктивен: в частности, И. М. Молданова пишет о продуктивной модели контактной и дистантной каузативизации с суффиксом *-əlt-* в казымском диалекте хантыйского языка [7]; Л. Дэжэ, А. А. Мокань, В. С. Храковский указывают на рекурсивную дистантную каузативизацию в венгерском языке [5]. Однако мансийский язык в этом ряду является исключением. Рассмотрим следующие примеры, полученные в ходе анкетирования носителей:

- (18) *am*                      *n'āwram*                      *roxt-əpt-as-um*  
1SG                      ребенок                      пугаться-CAUS-PST-1SG.S  
‘Я испугал ребёнка’.

- (19) *am n'āwram jony-əlt-ēy-um*  
1SG ребёнок играть-CAUS-NPST-1SG.S  
'Я развлекаю ребёнка'.
- (20) *am n'āwram āni \*lowt-əlt-as-um / \*lowt-əpt-as-um*  
1SG ребёнок тарелка мыть-CAUS-PST-1SG.S  
Ожидаемое значение: 'Я заставил/попросил ребёнка помыть тарелку'.
- (21) *am n'āwram āni \*wār-əlt-as-um / \*wār-əpt-as-um*  
1SG ребёнок тарелка делать-CAUS-PST-1SG.S  
Ожидаемое значение: 'Я заставил/попросил ребёнка сделать тарелку'.

Для сравнения с последним случаем рассмотрим пример из хантыйского языка, взятый из [7, 83]:

- (22) *wontpəł imi kōznes-a mǎn-əs, pəška wər=əlt=əs*  
свекровь женщина кузнец-DAT пойти-PST[3SG] бочка делать-CAUS-PST[3SG]  
'Свекровь пошла к кузнецу, поручила сделать бочку'.

Наиболее регулярно мансийские каузативы образуются от глаголов эмоционального состояния (пугаться, злиться и пр.). Переходные глаголы редко подвергаются каузативизации. Дистантная каузативизация в мансийском языке редка, но всё же наблюдается: такие каузативы можно задать ограниченным списком, в который

входит, к примеру, наиболее употребительный в живой речи каузатив *sussəltəŋkw* 'показывать', а также намного менее употребительный, но все же признаваемый грамматичным *rupitəptəŋkw* 'заставлять работать'. Заметим, что единственный пример из корпуса, содержащий этот глагол, любопытен с точки зрения синтаксиса:

- (23) *piyriε rupit-əpt-uŋkw pat-t-əs-t-e*  
мальчик работать-CAUS-INF стать-CAUS-PST-SG.O-3SG.S  
'Мальчика работать заставил'.

Глагол *patuŋkw* – 'падать' в первом значении – в мансийском языке находится в процессе грамматикализации как составная часть аналитических конструкций, имеющая значение перехода в новое состояние:

- (24) *aε wāy-tal pat-əs rūpata-te juj-i-pal-t*  
отец сила-CAR стать-PST-[3SG.S] работа-POSS.3SG зад-ATTR-сторона-LOC  
'Отец устал после работы'.
- (25) *tuwəl powar-iy pat-s-um*  
потом повар-TRANS стать-PST-1SG.S  
'Потом поваром стала'.

Можно рассматривать этот глагол в каузативном примере как инхоатив («начал заставлять мальчика работать») или обратить внимание на его объектное спряжение и на наличие рассмотренного нами выше алломорфа каузатива *-t-*: это значит, он ведёт себя как переходный и есть возможность трактовки этой конструкции как «привёл мальчика в состояние работы». Если придерживаться подобной гипотезы, то перед нами удивительный случай тройной каузативизации: первая – с помощью каузативного суффикса, вторая – аналитическая, третья – через каузативизацию вспомогательного глагола.

Из такого сверхдублирования можно сделать вывод, что каузативное значение суффикса уже не ощущается носителем так явно. Заметим так-

же в скобках, что мансийская конструкция в этом случае дублирует соответствующую русскую, и это не случайно: поскольку русский язык часто используется большинством носителей в повседневной жизни, он оказывает большое влияние на их мансийскую речь. Здесь мы от морфологии переходим к социолингвистическому аспекту языка, без которого рассмотрение языков малых народов затруднительно. О мансийском языке с точки зрения социолингвистики см. у С. С. Динисламовой [4], Л. Н. Панченко [9].

Замечено также, что носители тяготеют к «отзеркаливанию» русского синтаксиса не только в переводе с русского на мансийской, но и в порождаемой на мансийском речи. Как следствие, в области каузативов, в особенности дистантных,

язык также тяготеет к аналитизму, и если дистантная каузация, как в *rupitaptankw* ‘заставить работать’, в мансийском прежде была возможна, то теперь она исчезает.

В целом каузативные глаголы мансийского языка – явление скорее лексикализованное: при работе с носителями нам не удалось получить ни одного каузатива, который не был бы прежде внесён в словари [1; 2]. Более того, многие каузативные примеры из словарей были опрошенным носителям уже неизвестны. Также выше упоминались расхождения между носителями касательно грамматичности / неграмматичности приводимых нами примеров. Каузативы сегодняшнего живого мансийского языка можно задать достаточно сжатым списком, и то, что оказывается вне этого списка, большинством носителей будет охарактеризовано как неграмматичное. Заметим, что это не единственный случай, когда в современном мансийском наблюдается исчезновение языковой сложности в сравнении с мансийским начала прошлого века: см. о пассиве и двойственном числе в мансийском языке у Б. Биро, К. Щипёц [13].

Напоследок кратко обратимся к проблеме «двойной каузативизации» в мансийском языке. «Двойным каузативом» («второй каузатив» – *second causative* – согласно [14, 121]) условимся называть глагол, имеющий два и более одинаковых или различных каузативных суффикса и обладающий значением «Х каузирует Y каузировать Z сделать N». В языках мира такие конструкции редки ввиду невысокой частотности контекстов, но тем не менее, некоторые языки способны к бесконечной рекурсивной каузативизации: яркий пример венгерского языка был упомянут выше:

(26) *A papír elég*

‘Бумага сгорает’

*Jansci elégeti a papírt*

‘Янчи сжигает бумагу’

*Anna elégetetti Janscival a papírt*

‘Анна заставляет Янчи сжечь бумагу’ [5, 116].

Ожидается, что морфологическая двойная каузативизация в языке возможна, если в принципе возможно морфологическое выражение дистантной каузации. Выше мы пришли к выводу, что дистантная каузация в мансийском языке, в отличие от хантыйского и венгерского, сильно ограничена; наиболее вероятно, что мансийский движется к постепенной утрате морфо-

логического каузатива. Тем не менее, если раньше в языке была более регулярная дистантная каузативизация, мы можем ожидать следы двойного каузатива.

Примеры глаголов, имеющих два каузативных суффикса -Vlt-/-Vpt-, мы находим у Е. И. Ромбандеевой в [12, 159]; однако значение этих глаголов, согласно Ромбандеевой, не отличается от значения обычных каузативов. Вероятно, здесь мы имеем дело с удвоением показателя, которое происходит, когда значение первого суффикса становится размытым; Л. Куликов указывает, что такие, в его терминах «полуторные», каузативы, в которых один из суффиксов не имеет собственного значения, в языках мира нередки [14, 126]. Нам встретился единственный такой пример при анкетировании носителей:

(27) *am taw-e-n*

1SG 3SG-OBL-LAT

*jakt-əlt-apt-as-um*

резать-CAUS-CAUS-PST-1SG.S

*n’ōwəl*

мясо

‘Я попросила его порезать мясо’

Только один пример из многочисленных, представленных известным исследователем мансийского языка Е. И. Ромбандеевой [12, 159] показывает нам, что «двойной каузатив» в мансийском был возможен: *sussəltaptankw* ‘просить показывать’. Л. Куликов упоминает мансийскую двойную каузативизацию со значением просьбы, при этом ссылаясь на примеры, приведённые Ромбандеевой [12, 123].

В ходе анкетирования некоторые носители полностью запрещали примеры с двумя суффиксами как неграмматичные (в том числе *\*sussəltaptankw*; также *\*rupitaptaptankw* с ожидаемым значением ‘заставлять X-а заставлять Y-а работать’) другие разрешали, однако затруднялись установить их значение. В корпусе двойной каузатив не встречался ни разу; можно с уверенностью сказать, что, если он и был в языке в прошлом, сейчас он полностью отсутствует.

### Обсуждение и заключение

В данном исследовании мы выявили, что синхронное распределение мансийских каузативных суффиксов имеет под собой морфонологические (-Vlt- vs -Vpt-) и фонологические (случаи -tt-, -t-) основания. Результаты можно зафиксировать в виде следующей таблицы:

| Исходное значение = каузативизация                                             |                                                  |
|--------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------|
| -əlt-                                                                          | Базовый суффикс каузатива в чётных слогах        |
| -alt-                                                                          | Базовый суффикс каузатива в нечётных слогах      |
| -əpt-                                                                          | Для основ, содержащих плавный, в чётных слогах   |
| -upt-                                                                          | Для основ, содержащих плавный, в нечётных слогах |
| -tt-                                                                           | Для основ на -ar, -al                            |
| -t <sub>vlt</sub> -                                                            | Для основ на -t                                  |
| Исходное значение = добавление агенса; каузативизация как производное значение |                                                  |
| -t-                                                                            |                                                  |

Что касается вопроса о месте морфологического каузатива в современном мансийском языке, мы зафиксировали, что в современном языке они становятся всё более маргинальным явлением. По всей видимости, мы видим язык на стадии перехода к большему анализируемому, одним из аспектов которого может быть полная потеря морфологического каузатива.

Каузативы мансийского языка представляют-

ся нам интересной сферой исследования, которой мы коснулись только вскользь; притом интересной с точки зрения не столько синхронии, сколько диахронии. На наш взгляд, было бы интересно в качестве дальнейшего направления работы рассмотреть их на более ранней стадии развития языка, к примеру, по текстам архива В. Н. Чернецова, где мы могли бы найти их в большем объёме.

#### Список источников и литературы

1. Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л.: Учпедгиз, 1958. 228 с.
2. Бахтиярова Т. П., Динисламова С. С. Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект). Тюмень: ФОРМАТ, 2016. 216 с.
3. Дадурова Е. А. Категория каузативности в современном языкознании // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. № 1. С. 15–19.
4. Динисламова С. С. История и современное состояние мансийской детской литературы // Тезисы доклада Всероссийской научно-практической конференции XVIII Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. С. 71–80.
5. Дзёж Л., Мокань А. А., Храковский В. С. Каузативы, антикаузативы и связанные с ними синтаксические конструкции в венгерском языке // Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 115–131.
6. Недалков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 20–51.
7. Молданова И. М. Семантические типы каузативных глаголов хантыйского языка (на материале казымского диалекта) // Родной язык: лингвистический журнал. 2018. № 2. С. 81–105.
8. Осипова О. А., Шаламова Н. Н. Суффиксы залогового и видового значения в васюганском диалекте хантыйского языка. // *Linguistica Uralica*. 2001. Т. 37. № 1. С. 34–46.
9. Панченко Л. Н. Владение родным (мансийским) языком как социолингвистическая проблема // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. Т. 11 (101). Ч. 2. С. 150–153.
10. Параллельный мансийско-русский корпус текстов (Объём 53332 словоупотребления) // Проект РФФИ №18-082-00833 «Динамика фонетических и грамматических систем обско-угорских языков» (2018–2020) [Под ред. Жорник Д. О., Клячко Е. Л., Харитонов В. С.]. URL: <http://45.12.18.78/corpus/> (дата обращения: 15.09.2021).
11. Ромбандеева Е. И. Каузативные глаголы в современном мансийском языке: дисс. ... к.филол. наук. Л.: АН СССР, Институт языкознания, 1964. 246 с.
12. Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 208 с.
13. Bíró B., Sipőcz, K. Language shift among the Mansi // *Variation in Indigenous Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 321–346.
14. Kulikov L. The “second causative”: A typological sketch / B. Comrie & M. Polinsky (Eds.), *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Vol. 23. Pp. 121–154.
15. Kulikov L., Haspelmath, M. et al. Causatives / *Language typology and language universals. An international handbook*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2001. Vol. 2, 20/2. Pp. 886–898.
16. Moseley C. *Atlas of the World's Languages in Danger*, 3rd edn. // UNESCO Publishing. 2010. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed September 15, 2021).
17. Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum / *Typological studies in language*. 2002. Vol. 48, pp. 85–126.

## References

1. Balandin A., Vakhrusheva M. *Mansijsko-russkij slovar' s leksicheskimi parallel'ami iz yuzhno-mansijskogo (kondinskogo) dialekta* [Mansi-Russian dictionary with lexical parallels of the Southern Mansi (Konda) dialect]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1958. 228 p. (In Mansi, Russian)
2. Bakhtiyarova T., Dinislamova S. *Mansijsko-russkij slovar' (verkhne-loz'vinskij dialekt)* [Mansi-Russian dictionary (Upper Lozva dialect)]. Tyumen: Format Publ., 2016. 216 p. (In Mansi, Russian)
3. Daduyeva E. *Kategoriya kausativnosti v sovremennoyazykoznanii* [Causativity in modern language sciences]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Cultura* [Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture], 2020, no. 1, pp. 15–19. (In Russian)
4. Dinislamova S. *Istoria i sovremennoye sostoyaniye mansijskoj detskoj literatury* [History and modern state of Mansi children literature]. *Tezisy doklada Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii XVIII Yugorskiye Chteniya* [Abstract of the All-Russian Practical Science Conference XVIII Yugra Readings]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy Mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2020. pp. 71–80. (In Russian)
5. Dezheu L., Mogan A., Khrakovsky V. *Kauzativy, antikauzativy i svyazannyye s nimi sintaksicheskije konstruksii v vengerskom yazyke* [Causatives, anticausatives and syntactic structures related to them in the Hungarian language]. *Tipologiya kauzativnykh konstruksij* [Typology of causative structures]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. pp. 115–131 (In Russian)
6. Nedyalkov V., Silnitsky G. *Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kausativov* [Typology of morphological and lexical causatives]. *Tipologiya kauzativnykh konstruksij* [Typology of causative structures]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. pp. 20–51. (In Russian)
7. Moldanova I. *Semanticheskije tipy kauzativnykh glagolov khantyjskogo yazyka (na materiale kazymского dialecta)* [Semantic types of causatives in the Khanty language (on the Kazym dialect material)]. *Rodnoy yazyk: lingvisticheskij zhurnal* [Native language: linguistic journal], 2018, no. 2, pp. 81–105. (In Russian)
8. Osipova O., Shalamova N. *Suffixy zalogovogo i vidovogo znacheniya v vasyuganskom dialekte khantyjskojo yazyka* [Voice and aspect suffixes in the Vasyugan dialect of the Khanty language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 2001, no. 37 (1), pp. 34–46. (In Russian)
9. Panchenko L. *Vladieniye rodnym (mansijskim) yazykom kak sotsiolingvisticheskaya problema* [Knowledge of the native (Mansi) language as a sociolinguistic problem]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Science Journal], 2020, no. 11 (101), part 2, pp. 150–153. (In Russian)
10. *Parallel'nyj mansijsko-russkij korpus tekstov* [Mansi-Russian parallel text corpora]. 2017–2019. Available at: <http://45.12.18.78/corpus/> (accessed: September 15, 2021). (In Russian)
11. Rombandeeva E. *Kauzativnyje glagoly v sovremennom mansijskom yazyke* [Causative verbs in the modern Mansi language]. Leningrad, 1964. 246 p. (In Russian)
12. Rombandeeva E. *Mansijskij (vogulskij) yazyk* [Mansi (Vogul) language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 208 p. (In Russian)
13. Bíró B., Sipőcz K. Language shift among the Mansi. *Variation in Indigenous Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. pp. 321–346. (In English)
14. Kulikov L. The “second causative”: A typological sketch. B. Comrie & M. Polinsky (Eds.), *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. Vol. 23. pp. 121–154. (In English)
15. Kulikov L., Haspelmath M. et al. Causatives. *Language typology and language universals. An international handbook*. Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2001. Vol. 2 (20/2). pp. 886–898. (In English)
16. Moseley C. *Atlas of the World's Languages in Danger*, 3rd edn. UNESCO Publishing. 2010. Available at: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed: September 15, 2021). (In English)
17. Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum. *Typological studies in language*, 2002, no. 48, pp. 85–126. (In English)

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Пилюгина Диана Альбертовна**, студент 3 курса отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51).

[deanna.pilyugina@yandex.ru](mailto:deanna.pilyugina@yandex.ru)

ORCID.ID: 0000-0003-4310-956X

## ABOUT THE AUTHOR

**Pilyugina Diana Albertovna**, Student of the 3rd grade, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Moscow State University (119234, Russian Federation, Moscow, Leninskie Gory, 1, building 51).

[deanna.pilyugina@yandex.ru](mailto:deanna.pilyugina@yandex.ru)